

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА: ОТ ПРОСПЕРИТИ К ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ

После окончания войны в США произошел всплеск леворадикальных настроений. Забастовочная волна прокатилась в 1919 г.: количество стачечников в стране по сравнению с 1917 и 1918 гг. увеличилось в три с половиной раза и достигло 4160 тыс. человек. В Сиэтле, крупном портовом городе на тихоокеанском побережье США, 60 тыс. рабочих призвали бороться за «социализацию» предприятий. Мэр Сиэтла назвал забастовщиков «большевиками» и «революционерами». Под напором местной и федеральной власти, мобилизовавшей в свою поддержку не только полицию, но и морских пехотинцев, стачечники вынуждены были сдаться. Другим радикальным массовым выступлением рабочих в 1919 г. стала стачка сталелитейщиков, охватившая 10 штатов и 365 тыс. человек. Как и рабочие Сиэтла, сталелитейщики оказались восприимчивы не только к экономическим требованиям, но и к призывам радикальных преобразований общества. Третьим громким массовым выступлением рабочих в 1919 г. стала массовая забастовка шахтеров, охватившая 400 тыс. человек. Объединенный союз горняков выдвинул требование национализации угольных шахт. Шахтеры прекратили забастовку в марте 1920 г., после того как предприниматели согласились повысить их заработную плату в среднем на 27%.

На волне радикальных настроений 1919 г. оформилась Коммунистическая партия США. Весной того года левые социалисты, провозгласившие необходимость последовать примеру российских большевиков, смогли завоевать большинство на выборах исполкома Социалистической партии. Однако умеренные социалисты добились исключения из партии левых лидеров и их сторонников. Среди левых возникли внутренние разногласия, в результате чего осенью 1919 г. образовались две коммунистические организации - Коммунистическая партия Америки и Коммунистическая рабочая партия Америки. В рядах первой объединились главным образом социалисты-иммигранты, а второй - уроженцы США. Несмотря на различия, обе партии были привержены революционному коммунизму и стратегии ленинского Коминтерна, и в мае 1920 г. они на этой общей идейной платформе слились в единую Коммунистическую партию.

Нарастание левого радикализма вызвало распространение анархистских настроений и волну террористических актов. Борьбу с левыми возглавил генеральный прокурор США (Attorney General) М. Палмер. В тридцати штатах законодательные собрания приняли законы о борьбе с левой опасностью. Из числа арестованных по подозрению в подстрекательстве к мятежу 500 человек были высланы из США (все иммигранты, не имевшие американского гражданства). Самыми громкими жертвами «красной истерии» («red scare») стали итальянские рабочие-иммигранты Н. Сакко и Б. Ванцетти. В мае 1920 г. они были арестованы по обвинению в убийстве кассира в местечке Брейнтри (штат Массачусетс). Суд приговорил обоих, не отрицавших наличия у них анархистских взглядов, к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение в 1927 г.

Никола Сакко (1891-1927) и Бартоломео Ванцетти (1888-1927) прибыли в США из Италии в начале XX в. и начали трудовую деятельность чернорабочими. После окончания Первой мировой войны в США активизировались левые движения, возникла коммунистическая партия. Были сильны анархисты, среди которых оказались Сакко и Ванцетти. На массовые стачки и анархистские террористические акты правительство ответило репрессиями. В начале мая 1920 г. накануне рабочего митинга в Бостоне Сакко и Ванцетти были арестованы и обвинены в убийстве кассира обувной фабрики в местечке Саут-Брейнтри (Массачусетс).

Суд продолжался полтора месяца в мае-июле 1921 г. Оба подсудимых привели обоснованные алиби, но свидетели с их стороны, все итальянцы, некоторые анархисты, были проигнорированы судом присяжных. Был вынесен смертный приговор. Он вызвал протест во всем мире. В разных городах США и за рубежом проходили стачки, митинги, демонстрации в защиту Сакко и Ванцетти. В пользу помилования Сакко и Ванцетти высказался римский папа. Власти США были непреклонны. Сакко и Ванцетти были казнены на электрическом стуле 23 августа 1927 г.

23 августа 1977 г. губернатор Массачусетса М. Дукакис объявил о невинности Сакко и Ванцетти, обвинил их судей в ненависти к иммигрантам и политической предвзятости.

Под жернова «красной истерии» попали не только выразители левых взглядов, но и многие американцы «второго сорта», возомнившие себя равноправными гражданами послевоенной Америки. В первую очередь к ним относились чернокожие американцы, особенно жители северо-восточных штатов, а также чернокожие ветераны американской армии. В 1919 г., отстаивая свои права, они организовали серию бунтов, самым крупным среди которых стал чикагский (в ходе него были убиты 38 и ранены 537 человек).

«Красная истерия», выплеснувшаяся на радикалов, была социально-психологическим феноменом, характерным не только для верхов общества, но и для большинства белой Америки. Оно не хотело перемен, напротив, жаждало стабильности. Отражением настроений стали первые послевоенные президентские выборы, состоявшиеся в 1920 г. Подавляющее большинство избирателей отвергло не только левую альтернативу, но и отказало в поддержке находившейся до того в течение 8 лет у власти Демократической партии, приобретшей имидж сторонницы либерально-прогрессистских реформ. Две трети избирателей высказали поддержку консервативно-индивидуалистической платформе Республиканской партии и ее кандидату У. Гардингу, провозгласившему лозунг возвращения к «нормальности» («return to normalcy»). Под «нормальностью» понимался общественно-политический режим, укоренявшийся в последней четверти XIX в., т.е. капитализм в жестко индивидуалистическом варианте. Большинство избирателей приняли эту установку. Эпоха ее почти безраздельного господства вместила в себя восемь лет, но в исторической памяти американцев, да и в научной литературе трактуется более расширительно, как *десятилетие процветания* (процветания).

1920-е годы стали одним из самых удачных десятилетий в экономической истории американского капитализма. Они оказали огромное воздейст-

вие на социальное, особенно социокультурное развитие США. Это влияние не было пресечено даже экономическим коллапсом 1929-1933 г. Оно впоследствии возродилось, а современная Америка в ряде важных отношений, особенно в социокультурном, стоит «на плечах» 1920-х.

На всем протяжении десятилетия наблюдались повышенные инвестиции в отрасли, ориентированные на массового потребителя, снижение издержек производства за счет рационализации в организации труда, резкого и постоянного повышения его производительности, продолжающейся индустриализации «вширь» и «вглубь», концентрации производственных мощностей и централизации процессов управления и контроля над ними. Валовой национальный продукт увеличился за десятилетие почти на 50%, при том, что все население выросло на 16% (с 105,7 до 122,8 млн), а количество занятых в народном хозяйстве на 14% (с 42,2 до 48,7 млн). Рост ВВП осуществлялся в первую очередь за счет увеличения производительности труда, которая выросла в США за десятилетие на 43%.

В промышленности наряду с энергетикой на ведущих позициях находились машиностроение, нефтяная, сталелитейная и химическая отрасли. Впечатляющими были успехи автомобилестроения: производство автомобилей увеличилось с 1,5 млн в 1921 г. до 4,8 млн в 1929 г. В 1929 г. в США имелось 23 млн легковых автомобилей. Машину имел каждый пятый американец, в то время как в Великобритании один автомобиль приходился на 43 человека, в Италии на 325. Быстрыми темпами развивалась радиопромышленность. Среди новых отраслей одну из ведущих позиций заняла киноиндустрия.

В развитии экономики продолжались концентрация и централизация производства и капиталов. За десять лет в промышленности было зафиксировано около 8 тыс. поглощений и слияний. Поглощения и слияния вели к возникновению олигополий - групп крупных корпораций, которые доминировали в той или иной отрасли. Между корпорациями формально сохранялась конкуренция, но на практике они достигали взаимопонимания, устанавливая такой ценовой режим, который благоприятствовал в первую очередь им, а не потребителям.

Крупный бизнес был главным бенефициарием экономического роста 1920-х годов. Его плоды способствовали улучшению положения и других слоев, но распределение благ, как и в предшествующий исторический период, было в высшей степени неравномерным. Наиболее весомые достижения десятилетия - приобретение автомобиля и собственного дома - достались американскому меньшинству, в которое можно включить верхний и средний классы. Вместе оба не превышали 25% населения. В Америке 1920-х годов более двух третей американцев находились в нижнем классе. В него вошли те, чей уровень доходов был ниже прожиточного минимума и у кого не было возможности прочно включиться в рождавшееся общество потребления. Американцев, доходы которых были на уровне этого минимума и ниже, насчитывалось не менее 70% (цифры, приводимые разными исследователями, колеблются от 70 до 78%). Ниже черты бедности - 1500 долл. в год для семьи из 4 человек и 750 долл. для одного человека - находились 40% американцев. 80% американцев не имели никаких накоплений. Средняя зарплата промышленного рабочего к концу 1920-х годов достигла чуть более 1300 долл. в год и была ниже официального прожиточного минимума. Рабочим семьям

удавалось достигать этого минимума или несколько его превосходить в том случае, если на работу отправлялись и муж, и жена. Разрыв в положении верхних слоев американцев и большинства общества, в сравнении с предшествующими периодами, еще больше углубился. В 1929 г. на долю верхних 20% приходилось 54,4% совокупных денежных доходов, а на долю нижних 80% - 45,6%.

Увеличение разрыва в положении верхних и нижних социальных слоев не повлекло, однако, нарастания социального напряжения и конфликтов. Десятилетие просперити предстает как один из самых социально спокойных периодов в американской истории. Объяснение в значительной степени лежит в социально-психологической сфере. В 1920-е годы большинство американцев разделяли индивидуалистическую ментальность и следовали господствующим социокультурным нормам. Среди новых норм на ведущую позицию выдвинулся консюмеризм - приобретение и потребление товаров, которые обеспечивали комфортное существование и воспринимались в общественном сознании как метка принадлежности к респектабельным слоям общества. Потребительское сознание и потребительская культура в качестве основополагающего общенационального феномена оформляются именно в 1920-е годы. Тогда стали закладываться материальные основания массового производства товаров индивидуального и семейного комфортного потребления (автомобили, холодильники, стиральные машины и др.), а также стали возрастать возможности их приобретения не только средним, но отчасти и нижним классом. Для среднеобеспеченных и, тем более, для нижних слоев американцев главная возможность была связана с приобретением подобных товаров в кредит. Массы нижних слоев, «заразившиеся» потребительской психологией, брали кредиты, часто не задумываясь о реальных возможностях погашать долги. Роль кредитования покупателей в приобретении товаров массового спроса иллюстрируют цифры: к концу 1920-х годов в кредит приобреталось 85% мебели, 80% фонографов, 75% стиральных машин, 70% холодильников, более половины производимых пылесосов.

Роль потребительской ментальности (консюмеризма) как противоядия от классового самосознания и важного инструмента достижения социального мира и согласия осознавали дальновидные представители предпринимательского класса. Следуя примеру, поданному еще в начале века Г. Фордом, они воспринимали схемы, ставшие известными как «благотворительный капитализм», включавший такие меры, как приобретение рабочими акций предприятия, предоставление оплачиваемых отпусков, пособий в случае болезни, создание компанийских профсоюзов (инициировались самими предпринимателями). Вместе с тем уже все предприниматели были твердыми противниками независимых действий рабочего класса. Число участников профсоюзного движения в десятилетие просперити снизилось с 5 до 3,4 млн человек. В 1928 г. был установлен годовой рекорд снижения стачек - всего 629, как и числа их участников - 230 тыс. человек.

Классический классовый конфликт в 1920-е годы резко пошел на убыль, а на первый план вышли конфликты иного рода. Главный среди них можно определить как социокультурный. Культурные сдвиги 1920-х включили резкое изменение соотношения между традиционными и современными ценностями. Современные ценности все увереннее выдвигались на ведущую

позицию, при этом к ним приобщались не только численно возобладавшие городские слои, но во все возрастающем количестве также и сельские. Размыванию различий между городской и сельской субкультурами способствовала революция коммуникативных национальных связей, включавшая такие инструменты подчинения сельской культуры городской, как автомобили, радио, реклама.

Тематика радиопередач была разнообразной, по преимуществу развлекательной, но также просветительской и общественно-политической (с 1920-х годов по радио стали транслироваться съезды обеих национальных политических партий). Все больше времени стала занимать реклама, ставшая основным источником прибыли радиостанций. Коммерческая реклама выдвигалась на ведущую позицию и в печатной продукции. Рекламная печатная продукция в 1920-е годы составляла 50% всего типографского производства. Производство массовой культуры во все большей степени учитывало значение массовой психологии и массовых инстинктов. Прибыль стала извлекаться из тех запросов «толпы», которые, по меркам традиционной религиозной культуры, доминировавшей в массовом сознании в XVII - XIX вв., были аморальными. Но массы все реже посещали церковь, зато все чаще читали «желтые» издания, начавшие активно распространяться в те же 1920-е.

Городские массы активно приобщались к посещению спортивных состязаний и кино. Посещение спортивных состязаний уверенно выходило на ведущую позицию в национальной массовой культуре. В 1920-е годы наиболее популярными видами спорта стали бокс, американский футбол и бейсбол. Выдающиеся спортсмены в качестве национальных кумиров впервые начали успешно соперничать с ведущими бизнесменами и политиками. Каждую неделю сто миллионов американцев посещали 20 тыс. кинотеатров. Эти новые «храмы» по посещаемости превзошли прежние религиозные.

Массовая культура стремительно раскрепощала нравы американцев, в первую очередь горожан. 1920-ми годами многие исследователи датируют начало американской «сексуальной революции». В это время в США достигает пика популярности австрийский психолог З. Фрейд, доказывавший, что сексуальная активность является краеугольным камнем человеческой жизнедеятельности. Наиболее радикальные перемены произошли в поведении и нравах «продвинутой» части женской половины Америки. Еще десятилетием ранее общественная мораль запрещала женщинам курить в общественных местах или даже вести автомобиль без сопровождения мужчины. В 1920-е все подобные запреты рухнули. Символом женского раскрепощения стала девушка-флэппер (flapper): она коротко стриглась «под мальчика», носила прямое платье, открывавшее резинки на чулках, всячески подчеркивала свое свободное поведение и независимость от традиционных общественных норм. Флэпперы утверждали равное с мужчинами право на курение, ненормативную лексику, сексуальную активность, в целом неограниченную поведенческую свободу, в первую очередь для себя, но их усилия влияли на изменение ментальности более широких слоев американских женщин.

Главную оппозицию индивидуалистическому феминизму составили защитники традиционных семейных ценностей (как мужчины, так и женщины), а в более широком смысле - поборники традиционных морально-нравственных норм, воспринявшие в штыки не только «сексуальную революцию»,

но всю совокупность радикальных социокультурных нововведений 1920-х. В стране впервые обозначился *культурный раскол*. Границы между поборниками новых и старых культурных норм проходили внутри каждого социального класса, а главной была территориальная граница - оплотом новой культуры были мегаполисы и индустриальные центры, а традиционализма - провинциальная Америка.

Первой широкой атакой поборников традиционного «американизма» против «аморальных» норм явился антиалкогольный закон. В 1919 г. подавляющим большинством штатов была ратифицирована 18-я поправка к федеральной Конституции, запрещающая с 1920 г. «производство, продажу и перевозку алкогольных напитков, а также их ввоз в Соединенные Штаты». Тринадцать лет практики «трезвого образа жизни» (18-я поправка была отменена в 1933 г.) показали, что сухой закон был не просто антиалкогольной мерой. Его значение оказалось более широким - он спланировал защитников традиционных ценностей. Для поборников традиционной культуры сухой закон был как бы рычагом, с помощью которого можно было приостановить и выкорчевать преступность (алкоголь объявлялся ее главной причиной), сексуальную распущенность, прочие пороки современности, разрушавшие американские нравственные устои.

«Зеленый змий» оказался искусней и изощренней его душителей, обрушив на Америку, наряду с резким ростом скрытого алкоголизма, стремительное увеличение преступности, связанной с незаконным производством и оборотом спиртного, двойными стандартами в образе жизни тех, кто формально поклонялся ценностям американизма, но не хотел отказываться и от алкогольных удовольствий. Противники закона воспользовались его изъянами, например, тем, что, запретив производство и продажу спиртных напитков, закон не запрещал их употребление. Запросы тех, кто хотел пользоваться сохраненным правом употреблять спиртное, были в полной мере удовлетворены стремительно оформившейся армией бутлегеров. Через тринадцать лет после принятия сухого закона федеральная власть должна была признать поражение в борьбе с носителями современной морали. Антиалкогольная поправка к Конституции США была отменена.

В 1920-е годы одним из агрессивных защитников традиционных ценностей выступил Ку-клукс-клан. В десятилетие процветания он обрел второе дыхание, а главной причиной реанимации стало обновление и расширение стратегических целей. Прежде Ку-клукс-клан сосредоточивался на распространении расистских настроений и борьбе с освобожденными неграми. Теперь его деятельность включала защиту американских «первооснов» от разрушительных влияний политических и культурных радикалов, иммигрантов, евреев, католиков, спиртных бутлегеров. Клан, вставший также на защиту религиозных ценностей, заручился поддержкой влиятельных протестантских церквей, в первую очередь баптистской и методистской. В первой половине 1920-х годов ряды ку-клукс-клановцев увеличились с 5 тыс. до 4 млн человек, во второй половине влияние Ку-клукс-клана стало падать, в значительной степени по причине нравственного «перерождения» его лидеров. Многие из них не избежали соблазнов хищений из разбухшей «партийной» кассы, стали приобщаться к «сладкой жизни» и сами погрязли в пороках, искоренение которых объявляли главной жизненной целью. Кор-

Парад организации Ку-клукс-клан в г. Питсбурге. РГАКФД

рупционные скандалы, связанные с «отцами» клана, отвратили от него массу бескорыстных поборников «чистоты» американских первооснов.

Но в годы подъема, опираясь на многомиллионную поддержку белых американцев, ку-клукс-клановцы, вместе с другими национал-патриотическими организациями, повлияли на принятие ряда важных консервативных мер. Среди них выделялись ограничительные иммиграционные законы 1921 и 1924 гг. Федеральный закон 1921 г. ввел иммиграционную квоту, согласно которой ежегодное число иммигрантов любой национальности не должно было превышать 3% численности соответствующей этнической группы в США на 1910-й год. Вследствие этого закона приток иммигрантов в США сократился в 2,5 раза. В 1924 г. была полностью запрещена иммиграция из Восточной Азии (удар был направлен против китайцев и японцев). Для европейцев иммиграционная квота была снижена с 3 до 2%, при этом процент определялся в соответствии с численностью той или иной этнической группы в США не на 1910-й, а на 1890-й год, после которого в Соединенные Штаты хлынули иммиграционные потоки из восточной и южной Европы.

В политическом отношении десятилетие просперити явилось периодом безраздельного господства Республиканской партии. В 1920 г. президентом был избран У. Гардинг. В 1923 г. после смерти Гардинга высший пост в государстве занял вице-президент К. Кулидж, который в 1924 г. одержал победу на очередных президентских выборах. В 1928 г. президентом Соединенных Штатов стал Г. Гувер. Президенты США эпохи просперити были типичны-

ми «серыми лошадками», невыразительными личностями (за исключением Г. Гувера, обладавшего и политической, и интеллектуальной индивидуальностью). Во всех предвыборных платформах Республиканской партии, в обращениях и посланиях всех президентов главными лозунгами были решительное сокращение налогов, неукоснительное свертывание государственных расходов, а следовательно, государственного регулирования экономики и социальных отношений, превышение бюджетных доходов над расходами, максимальная свобода бизнеса. Кулидж в знаменитом высказывании о «главном занятии» американцев объявлял бизнес основой жизнедеятельности всего американского народа, а не какого-то одного класса: «Главное занятие американского народа есть бизнес» («The chief business of American people is business»).

Республиканскую партию и ее президентов трудно назвать традиционалистами в полном смысле, ведь они выступали поборниками современных промышленных технологий, потребительских стандартов, современных форм бизнеса. Но в ряде принципиальных отношений они были твердыми традиционалистами. Это касалось оснований их государственной экономической политики. Определенные нововведения в идейно-политическую доктрину Республиканской партии были внесены Г. Гувером. Он выдвигал и защищал два разнящихся варианта индивидуализма: один обозначался как *грубый индивидуализм*, а другой определялся как *просвещенный индивидуализм* и включал в себя коллективистские и социальные начала. На протяжении 1920-х годов Г. Гувер соблюдал определенный паритет в отстаивании двух концепций, но в 1930-е годы в жесткой полемике с последователями Ф.Д. Рузвельта, склонился в пользу грубого индивидуализма, что в последующем стало причиной восприятия Гувера массовым общественным сознанием в качестве апологета именно этого варианта. Но в 1920-е годы он доказывал, что индивиды должны взаимодействовать на основе совокупности накопленных историей социальных, нравственных, политических и иных цивилизованных норм. Облагораживание взаимоотношений индивидуумов должно носить добровольный характер, взаимопонимание между капиталом и трудом, всеми другими социальными институтами и группами не может навязываться государством с помощью законов, указов, инструкций.

Практические следствия исповедовавшейся Гувером концепции «просвещенного индивидуализма» были минимальны, по сути не влияли на политику республиканской администрации. В 1920-е годы в сфере бизнеса фактически перестало действовать антимонопольное законодательство. Вместе с тем Верховный суд США объявлял правомерными антимонополистические иски и постановления против «агрессивных» профсоюзов, дезавуировав тем самым те положения либерального закона Клейтона 1914 г., которые выводили рабочие объединения из-под действия антитрестовского законодательства. Как и прежде, отсутствовало федеральное социальное страхование по безработице, старости, болезни, инвалидности.

Важнейшей целью финансово-экономической политики республиканского правительства являлось снижение налогов, в первую очередь прямых. В 1921 г. прогрессивный налог на доход свыше 1 млн, установленный при президенте-демократе В. Вильсоне в 66%, был снижен до 50%, в 1924 г. - до 40%, а в 1926 г. - до 20%. В эти же годы примерно наполовину были

снижены максимальные налоги на наследство и недвижимость. Каждый супермиллионер, среди них и Эндрю Меллон, бессменный министр финансов и автор налоговых законопроектов, ежегодно сберегал сотни тысяч, а то и миллионы долларов, в то время как экономия налогоплательщика из нижнего или среднего класса составляла несколько десятков долларов.

Вторая ведущая общенациональная партия - Демократическая - критиковала политику республиканцев как узкоклассовую и со своей стороны обещала установить социальную справедливость в налогообложении, тарифной политике, вывести профсоюзы из-под антитрестовского законодательства, помочь фермерам, реанимировать практику антимонопольного законодательства. Ряд лидеров демократов приходили к эклектической позиции, которая воспроизводила консервативно-индивидуалистические принципы Республиканской партии, добавляя к ним использовавшуюся прежде либерально-реформистскую риторику. Иллюстрацией идеологической беспомощности партии служит предвыборный манифест «Американское кредо», предложенный Дж.У. Дэвисом, демократическим кандидатом в президенты 1924 г. Центральным в нем оказалось суждение Т. Джефферсона: «Наилучшее правительство то, которое правит меньше всего».

Реалии эпохи процветания не благоприятствовали партиям, заявлявшим об оппозиции двухпартийной системе. Еще на исходе Первой мировой войны практически сошла с исторической арены Прогрессивная партия. Остатки ее сторонников попытались объединить разрозненных последователей прогрессистско-популистской политической традиции, но добились некоторого успеха только на президентских выборах 1924 г. В 1920-е годы произошло серьезное ослабление американского социализма. Причины были заключены как в правительственных репрессиях и экономическом подъеме страны, так и в особенностях эволюции социализма. После Первой мировой войны Социалистическая партия была ослабленной, но все же сохранявшей определенный потенциал. Но уже тогда в партии возникла угрожавшая ее существованию опасность раскола. Созданная левыми социалистами Коммунистическая партия США объявила себя непримиримой противницей любого соглашательства, в том числе и с «оппортунистической» соцпартией. В 1920-е годы компартия США записала в свою программу неприемлемую для американцев цель установления диктатуры пролетариата.

В целом соотношение политических сил в 1920-е годы характеризовалось доминированием консерватизма. Его выразитель Г. Гувер, вступая в президентскую должность 4 марта 1929 г., был преисполнен оптимизма, обещая американцам продолжение и укрепление экономического процветания, социального мира и общественного прогресса. Менее чем через восемь месяцев произошло непредвиденное. «Черный четверг» 24 октября и «черный вторник» 29 октября 1929 г. на нью-йоркской бирже дали толчок финансовому краху, подкрепленному беспрецедентным по глубине общим экономическим кризисом. В течение гуверовского президентства страна падала в пропасть, и в 1933 г. десятилетие процветания представлялось канувшим в Лету золотым веком.

Внешняя политика США десятилетия процветания имела исходным моментом провал желания В. Вильсона утвердить ведущую роль Соединенных Штатов в мире посредством Лиги Наций. Во времена Вильсона США

не располагали военно-политическими ресурсами для того, чтобы возглавить и направлять мировое сообщество через посредство мирового коллективного органа и негласного признания ведущими нациями их лидерства. Это послужило причиной отклонения республиканцами, преобладавшими в законодательной ветви власти, внешнеполитической стратегии Вильсона и официального одобрения ими изоляционизма, главный постулат которого гласил отказ от участия в каких-либо военно-политических блоках. США предпочли им «свободу рук». Американский бизнес наращивал проникновение во все регионы мира, а государственная власть стремилась максимально усилить как экономическое, так и политическое влияние в мире.

В 1920-е годы США увеличивали экспорт капиталов и товаров. Государство всячески поощряло мировое распространение американских материальных и духовных ценностей, исходя, как и прежде, из убеждения в превосходстве американской цивилизации над всеми иными, и видело главную опасность в левом, антикапиталистическом радикализме. Российский большевизм и Коминтерн оставались для всех республиканских правительств опасностью номер один. Дипломатическое признание советской России исключалось. Левый радикализм был неприемлем и в меньших масштабах, даже если его представители не приходили к власти, а выступали реальной оппозицией в той или иной стране. В качестве «меньшего зла» американская администрация предпочитала праворадикальных диктаторов, с которыми нередко заключались беспринципные сделки, противоречившие национальным идеологическим заповедям.

Менее опасным, но реальным, требовавшим бдительности и соответствующей реакции было соперничество в собственном цивилизационном лагере. Здесь главными экономическими и политическими соперниками выступали Франция и Великобритания, занявшие господствующую позицию в Лиге Наций. Получив от нее мандаты на управление большинством территорий бывших Германской и Османской империй, две ведущие европейские державы стремились единолично распоряжаться их ресурсами, перекрывая к ним, прежде всего к нефти, доступ для США. Франция, кроме того, стремилась при помощи созданной ею «малой Антанты» и ослабления Германии утвердить политическую гегемонию в Европе.

Для достижения внешнеполитических целей США активно использовали экономические рычаги. Главными стали займы иностранным государствам. В годы войны Соединенные Штаты прочно утвердились в качестве основного мирового кредитора: займы союзникам составили более 7 млрд долл. (из них 3,6 млрд были предоставлены Великобритании и около 2 млрд - Франции). После войны потребность истощенных европейских стран в американских кредитах, теперь уже на восстановление экономики, не ослабла. В течение нескольких лет США выделили им более 3 млрд долл. (из них 1,4 млрд Франции и около 0,6 млрд - Великобритании). Общий долг иностранных государств (исключая Германию) США вырос до более, чем 10 млрд долл. Главным должником являлась Великобритания. Финансовое доминирование США расширяло их возможности в ходе политических переговоров.

Высокая экономическая и политическая активность США на мировой арене сочеталась, как ни парадоксально, с приверженностью страны на про-

тяжении всего межвоенного периода доктрине *изоляционизма*. Совокупность данных дает основание говорить о поддержке изоляционизма большинством американских избирателей. Но мотивы их, как и политиков, различались. К демократическому направлению принадлежало меньшинство изоляционистов. Демократические средства массовой информации настойчиво распространяли ту идею, что мировая война была следствием имперских амбиций великих европейских держав, и по этой причине Америке впредь нужно держаться подальше от европейских союзов, блоков, противоречий. Другую, более влиятельную часть изоляционистов представляли деятели главным образом из Республиканской партии, которые выступали за односторонние, не связанные союзами усилия по достижению экономического и политического доминирования США в мире. Ряд исследователей полагают, что они не могут быть поименованы «изоляционистами», но по формальному признаку они ими были.

На практике американское государство в отношениях с другими странами, среди них великими державами, действовало в высшей степени энергично и ничего «изоляционистского» в его реальной политике не было. Ганс Моргентау, самый известный американский исследователь-международник середины XX в., назвал внешнюю политику президентов США 1920-х годов «штурмовой дипломатией». Это означало, что американская дипломатия энергично, упреждающе предлагала европейским партнерам не только повестку дня, но и решения, энергично их продвигала, и в результате на международных конференциях принимались ее проекты и планы.

Во внешнеэкономической политике власть следовала уже апробированным доктринам *дипломатии доллара* и *открытых дверей*. Инициатива бизнеса по освоению зарубежных рынков всячески поощрялась. В этом случае доктрине изоляционизма не было места даже в риторике. Как изъяснился глава Американской фермерской федерации, «экономическая изоляция не является ни желательной, ни возможной». Страна лидировала по экспорту как товаров, так и капиталов.

Государство, предоставляя «зеленый свет» экспорту товаров и капиталов, не отказывалось от определенной регулирующей роли. Это касалось прежде всего деятельности американских инвестиционных банков. Во второй половине 1920-х годов власть определила пять нежелательных случаев предоставления банками зарубежных займов: 1) кредиты, используемые заемщиком для ликвидации бюджетного дефицита; 2) используемые для военных целей; 3) используемые против американских компаний; 4) займы государствам, не признанным США; 5) займы государствам, отказывающимся или уклоняющимся от выплаты долгов США. Подчинить банки государственному контролю удавалось с трудом, и он все более ослабевал, особенно после того как с европейскими государствами были заключены компромиссные договоры о погашении военных долгов. Главным финансовым клиентом США быстро стала Германия. По итогам Версальского мира Германия должна была выплатить ее европейским победителям непомерную сумму в 33 млрд долл, (не считая долгового процента). В этой ситуации решительную поддержку Германии оказали США. Еще в ходе Версальской конференции В. Вильсон настаивал на облегчении репараций для Германии. Американская сторона руководствовалась политическими соображениями: чрезмерное ослабление

Германии создает почву для подъема в ней левого радикализма, чреватого повторением русского примера.

К политическим соображениям добавлялись весомые экономические. В возрожденной Германии стали видеть одно из главных приложений для американских капиталов и экспорта товаров. В 1923 г. по поручению американского правительства чикагский банкир Ч. Дауэс подготовил план реструктуризации германского долга. Одобренный странами-победительницами, план Дауэса оказался удачей, реанимировав германскую экономику. Сумма репараций сохранялась, но сроки завершения выплат отодвигались на неопределенное время. За шесть лет кредиты Германии в три раза превысили сумму ее репарационных отчислений. Экономика Германии пошла вверх (подъем продолжался вплоть до мирового экономического кризиса 1929—1933 гг.) Но и США оказались в выигрыше: капиталовложения в германскую экономику приносили 9% годовых при среднеевропейской норме в 6,5%

В 1928 г., когда экономический подъем Германии замедлился, план Дауэса был заменен еще более либеральным проектом другого видного американского финансиста - О.Д. Янга. Согласно ему, ежегодные выплаты Германии снижались еще на 20%, а годовой процент до 5,5. Окончательная выплата предполагалась в 1988 г. В 1932 г. в условиях мирового экономического кризиса президент США объявил о годовых «каникулах» для репарационных долгов, а с 1933 г. (установление фашистского режима в Германии) германские выплаты США практически прекратились.

Центральная роль США в решении финансовых проблем Германии упрочила их доминирующую позицию, в сравнении с Великобританией и Францией, в воздействии на экономику Европы в целом. Соединенные Штаты оттесняли двух главных соперников и в военно-политических вопросах. Первая решительная попытка Вашингтона «поправить» версальскую систему была предпринята на Вашингтонской конференции 1921 г., в которой приняли участие ведущие мировые державы, участвовавшие в Версальской конференции. США предложили ряд сенсационных мирных инициатив. Многие инициативы США были одобрены, в результате чего Вашингтонская конференция стала дополнением Версальской конференции, и версальская система международных отношений трансформировалась в версальско-вашигтонскую. Главными инициативами США, одобренными странами-участниками конференции, стали три.

Первая - «Договор четырех держав» (США, Великобритания, Франция и Япония). Великие державы согласились гарантировать неприкосновенность островных территорий на Тихом океане, а также коллективную ответственность за обеспечение мира в Тихоокеанском регионе. Вторым главным соглашением явился «Договор пяти держав» - США, Великобритании, Японии, Франции, Италии. Договор устанавливал соотношение мощности флотов пяти держав следующим образом: США - 5; Великобритания - 5; Япония - 3; Франция - 1,75; Италия - 1,75. В проигрыше оказалась Великобритания, отказавшаяся от традиционного «стандарта двух держав», т.е. от наличия у нее двойного превосходства над морским флотом любой другой державы. Третье основное соглашение - Договор девяти держав (США, Великобритания, Япония, Франция, Италия, Бельгия, Голландия, Португалия, Китай) - стало знаковым, с точки зрения признания мирового

авторитета Соединенных Штатов. Договор формально закрепил дорогой для США принцип «открытых дверей» на мировом рынке.

Сохраняя пристальный интерес к европейским делам, США в качестве основного объекта экономической экспансии и политического контроля имели, как и прежде, Латинскую Америку. При всем том, что влияние Соединенных Штатов в Латинской Америке усиливалось, нарастали трудности удержания ее в своей сфере влияния, что требовало от американской дипломатии разнообразия стратегических методов. Многие латиноамериканские страны демонстрировали политическую самостоятельность, отказывались видеть в США «старшего брата», а в случае международных конфликтов апеллировали к иным арбитрам, например, к Лиге Наций. Большинство из них, вопреки позиции США, вступили в Лигу Наций с момента создания. Но Лига Наций не смогла сколько-нибудь эффективно воздействовать на латиноамериканские конфликты. Уже в 1921 г., когда два латиноамериканских конфликта были включены в ее повестку, Лига уклонилась от их разрешения. Мотив - реальное значение «доктрины Монро» и регулирующей роли США на американском континенте.

США продолжали теснить из Латинской Америки главного конкурента - Великобританию. К концу 1920-х годов иностранные капиталовложения в латиноамериканскую экономику достигли 15 млрд долл., при этом на долю США приходилось 5,5 млрд долл. - увеличение по сравнению с довоенным периодом в 4,5 раза. В сравнении с предшествующим периодом США проявляли особенный интерес к латиноамериканской нефти. США, как и прежде, использовали в отношениях с Латинской Америкой принципы «кнута и пряника», «разделяй и властвуй», разнообразные и противоречивые приемы, но объединяющей целью было обеспечение экономического доминирования и политического контроля в регионе. В сравнении с предшествующим периодом сокращалось количество интервенций. Если в первые два десятилетия XX столетия США совершили двадцать интервенций в страны Карибского бассейна и Центральной Америки, то в следующие 20 лет только две интервенции. Американская власть давала понять, что признает латиноамериканские правительства, если они будут сотрудничать с Соединенными Штатами, не будут препятствовать их бизнесу.

Важным направлением американской внешнеполитической стратегии оставалось дальневосточное. США опирались на решения Вашингтонской конференции 1921 г., соответствовавшие их интересам. Их главными контрагентами на Дальнем Востоке выступали Япония, Китай и СССР. Поскольку Япония являлась одним из гарантов вашингтонских решений, США не считали ее главным соперником в борьбе за влияние на Китай и видели в ней заградительный барьер против СССР. Ситуация поменялась, когда Япония перешла к открытой имперской политике в дальневосточном регионе. В 1928 г. Япония совершила первые агрессивные действия против Китая. Реакция США на экспансионистские устремления Японии была смешанной. Некоторое время они продолжали рассматривать Японию как противовес СССР. В 1930 г. они даже согласились на расширение японской квоты военно-морских вооружений. С 1931 г. американская общественность и руководство склоняются к тому, что Япония фактически разорвала вашингтонские соглашения 1921 г. В январе 1932 г., сразу после того как Япония захватила еще

часть китайской территории, госсекретарь США Г. Стимсон в дипломатических нотах заявил, что США остаются гарантом целостности Китая, как и других принципов Вашингтонской конференции 1921 г. Однако европейские гаранты вашингтонских решений 1921 г. отказались поддержать США. В 1932 г. к рассмотрению конфликта Японии и Китая обратилась Лига Наций. Но Япония продолжала агрессивную войну против Китая, а в марте 1933 года вышла из Лиги Наций.

Противоречивым было отношение США к СССР. Все американские администрации 1920-х годов категорически отказывались установить дипломатические отношения с СССР. Вместе с тем в отношении США к Советскому Союзу возникла тенденция прагматического сорта. Возраставшую активность в отношениях с СССР проявлял американский бизнес, в том числе его видные представители. Мотив извлечения высокой прибыли перевешивал в сознании рискованных и предприимчивых американцев политические предубеждения и запреты. К 1928 г. на американский бизнес приходилось 25% всех иностранных инвестиций и импорта в СССР. Одна треть тракторов, экспортировавшихся Г. Фордом, поступала в СССР, что составляло 85% от всего его тракторного парка. Кроме Форда с Советским Союзом, игнорируя запреты Госдепартамента, активно сотрудничали такие титаны американского бизнеса, как А. Гарриман и Дж. Хаммер. Подъем в советско-американских экономических отношениях продолжался до мирового экономического кризиса 1929 г., после чего они резко пошли на спад.

Экономический кризис 1929-1933 гг. стал главной причиной смены у руля американского государства Республиканской партии Демократической. Серьезные изменения претерпела как внутренняя, так и внешняя политика США. В годы кризиса общий спад производства составил 30%. В ряде отраслей он был гораздо большим, например, в строительстве 72%, в угледобывающей промышленности 42%, а в сталелитейной 400%. Треть американских фермеров лишились своих хозяйств. Безработица выросла в 8 раз, при этом частичная безработица была гораздо выше, а по данным АФТ в 1932 г. полностью занятыми были только 10% рабочих. После «черных» дней 24 и 29 октября 1929 г. резко опустились котировки акций самых прибыльных корпораций.

Подобной экономической катастрофы США не знали ни до, ни после 1929-1933 гг. Основополагающую причину кризиса раскрывал новый лидер демократов Ф.Д. Рузвельт в ходе своей предвыборной президентской кампании 1932 г., как и в своих реформаторских разработках последующего периода. Рузвельт указывал, что быстрый рост производительности труда и товарной продукции, наблюдавшийся в Америке 1920-х годов, не подкреплялся радикальным налогообложением корпораций и перераспределением стремительно возраставших прибылей с учетом интересов большинства общества. Производительные мощности нации беспрерывно увеличивались, а ее потребительские возможности в силу эгоизма и всевластия крупного бизнеса изменялись слабо. В таких условиях перепроизводство, безработица, экономический крах стали неизбежными. Далее следовал основополагающий реформаторский лозунг Рузвельта: основные усилия правительства должны быть направлены на радикальное преобразование сферы распределения, утверждение распределительной справедливости. Радикальная ре-

форма системы распределения, направленная на расширение покупательной способности (спроса) основной массы населения, нижнего и среднего классов, образно обозначалась самим Рузвельтом как «заправка насоса».

В либерально-реформистскую веру Рузвельт обратился в начале XX в., будучи студентом Гарвардского университета. Искренность и прочность его убеждений были впервые испытаны на практике в период пребывания Рузвельта на посту губернатора штата Нью-Йорк (избран на этот пост в 1928 г. и переизбран в 1930 г.). Рузвельт начал жестко критиковать президента Гровера в 1929 г. после начала острого экономического кризиса. В течение короткого времени нью-йоркский губернатор предложил серию смелых мер помощи фермерам, безработным, другим категориям сограждан, которых он позднее назовет «забытыми американцами». В 1932 г., когда Демократическая партия решала вопрос о выдвижении кандидата на новые президентские выборы, Рузвельт, одержав победу в четвертом туре голосования, стал без промедления отстаивать смелые либерально-прогрессистские предложения, нареченные Новым курсом. Рузвельт выступал твердым приверженцем капиталистической цивилизации и не мыслил альтернативное развитие Америки в рамках выбора между капитализмом и социализмом. Он признавал реальным для Америки выбор между двумя «школами мысли - либеральной и консервативной». В отличие от консерватизма, отдававшего развитие Америки в распоряжение «естественных сил», либерализм, в рузвельтовской трактовке, защищал целенаправленные усилия государства по преобразованию общества и объединению вокруг него с целью исправления социальных и экономических пороков разных классов и слоев. Эта трактовка, тождественная социальному либерализму, оформилась еще в Прогрессивную эру, но с легкой руки Рузвельта она окончательно стала отождествляться с либерализмом в целом, в то время как классический либерализм необратимо приобрел имидж консерватизма.

ИЗ ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ Ф.Д. РУЗВЕЛЬТА 20 ЯНВАРЯ 1937 ГОДА

«... Я вижу в стране десятки миллионов граждан - существенную часть нашего населения, которые в этот самый момент лишены большинства из того, что считается жизненно необходимым даже по самым низким современным стандартам.

Я вижу миллионы семей, пытающихся прожить на столь скудный доход, что каждый день их жизни омрачен нависшей угрозой семейной катастрофы.

Я вижу миллионы, лишенных образования, отдыха и возможности улучшать собственную жизнь и участь своих детей...

Я вижу треть нации в плохом жилье, плохо одетую, плохо питающуюся.

Если я хоть сколько-нибудь понимаю дух и цель нашей страны, мы не станем прислушиваться к Комфорту, Оппортунизму и Робости» (Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. 1789 - 2001 гг. / Ред. Э.А. Иванян. М., 2001. С. 392-393).

В основе общественно-политического курса Ф.Д. Рузвельта лежали твердые либерально-демократические убеждения и заповеди. Но для успешной политической практики в рушащейся цивилизации этого было недостаточно. Необходимы были последовательные и регулярные смелые эксперименты.

Избранный президентом Ф.Д. Рузвельт и президент Г. Гувер едут к Капитолию на церемонию инаугурации. 4 марта 1933 г. Библиотека Конгресса США

Как высказался Рузвельт во время президентской кампании 1932 г., «страна нуждается, и, если я правильно понимаю ее настроения, она требует смелого и настойчивого эксперимента. Здравый смысл требует выбрать метод и испытать его, а если не получится - честно признайтесь и попробуйте другой».

В начале реформаторской деятельности Рузвельт добился весьма широкой поддержки своих мероприятий. Его поддержала даже часть оппозиционной Республиканской партии, исходившая из того, что страна столкнулась с реальной угрозой национальной катастрофы, и Рузвельту должен быть предоставлен реальный шанс на смелые эксперименты по спасению американской цивилизации. Но уже во второй половине 1933 г., а наиболее полно в 1934 и 1935 гг. зазвучала острая критика президента со стороны как радикалов, так и консерваторов. На ведущей позиции среди оппонентов Рузвельта обосновались «левые» и «правые» радикалы, поставившие под угрозу сохранение Рузвельтом массовой социальной опоры.

В левом политическом спектре 1930-х годов были различимы разные течения. Первое течение - революционный социализм - было представлено Коммунистической партией США, влияние которой в условиях коллапса

капиталистической экономики возросло среди рабочих, а также части интеллигенции. Поначалу партия выступала непримиримой противницей рузвельтовских реформ, но в середине 1930-х годов поменяла цель борьбы за «Советскую Америку» на цель создания народного демократического фронта с участием либералов и Ф.Д. Рузвельта. Политический зигзаг коммунистов был предопределен решениями Коминтерна, объявившего в 1935 г. на своем VII конгрессе в Москве главной опасностью фашизм (правый радикализм) и призвавшего своих сторонников блокироваться со всеми антифашистскими силами. Главной выразительницей второго течения - демократического социализма - в 1930-е годы, как и прежде, выступала Социалистическая партия США. Как это ни парадоксально, именно она, а не компартия заняла непримиримую позицию в отношении Нового курса, являясь главным раздражителем для Рузвельта «слева». Лидер социалистов Н. Томас не видел в США реальной опасности фашизма, поэтому идея антифашистского фронта с либералами в условиях Соединенных Штатов представлялась Томасу новым образцом коммунистического догматизма. В отношении всех левых оппонентов Рузвельт успешно использовал основополагающий политический маневр: включал в свою программу реформы, которые способствовали созданию в капиталистических США социального государства и дополнению политической демократии отчасти демократией социальной.

Радикальные социальные реформы приобрели такую популярность, что их поспешили превратить в боевые лозунги не только лево-, но и праворадикальные критики Рузвельта. Наиболее колоритным и влиятельным среди них оказался луизианский политик Хью Лонг. Лонг добился политической известности в 1928 г., будучи избранным губернатором штата Луизиана от Демократической партии. В 1934-1935 гг. Лонг замахнулся на большее - президентское кресло - и бросил вызов Рузвельту. Программные заявления Лонга были просты и доходчивы. Лейтмотив - решительная конфискация сверхбогатств. Лонг требовал обложить беспрецедентными налогами недвижимость, состояния, наследства миллионеров. Первый миллион, разъяснял он, будет освобожден от налога, второй миллион обложен налогом в 1%, третий - в 2, четвертый - в 4, пятый - в 8, шестой - в 16, седьмой - в 32, восьмой - в 64%, а с девятого миллиона будет взиматься 100-процентный налог. Миллионеры таким образом сохранялись, но мультимиллионеры ликвидировались. Огосударствленные при помощи налогов богатства распределялись между малоимущими. В 1935 г. в клубы Лонга было вовлечено 7 млн человек, он превратился в самую серьезную радикальную опасность для Рузвельта, но в сентябре карьера и жизнь луизианского популиста прервались - он был смертельно ранен молодым человеком по имени Карл Уэйс. Дело Лонга было продолжено его ближайшим сподвижником Дж. Смитом. С весны 1935 г. Рузвельт решительно провел законы о пособиях по безработице, пенсиях по старости, широком признании прав профсоюзов, предложил резко повысить налоги на корпорации и мультимиллионеров. К президентским выборам 1936 г. он сумел нейтрализовать как левых, так и правых радикалов.

Снятие опасности социального радикализма вывело на первый план опасность противоположного толка - консерватизм. Его главным выразителем выступал крупный бизнес, банки и промышленные корпорации. Отношения Рузвельта с бизнесом были неоднозначны на различных этапах, но в началь-

ный период Нового курса им было присуще определенное равновесие - реформы, вызывавшие болезненную реакцию бизнеса, смягчались мерами, которые прямо отвечали интересам банковского и промышленного капитала. Обострение отношений правительства и бизнеса произошло в начале 1934 г. в связи с принятием закона о контроле над выпуском ценных бумаг и в целом биржевой деятельности. Рузвельт неизменно подчеркивал, что тень не должна быть брошена на весь бизнес, частное предпринимательство и индивидуализм, что, наоборот, эти фундаментальные установления должны быть защищены от капиталистических цезарей - «жирных котов».

Драматизм беспрецедентной для американской истории схватки главы государства и бизнеса усугублялся тем, что на стороне бизнеса выступала большая часть государственных институтов, среди которых ударной силой оказалась судебная ветвь. Рузвельт столкнулся с оппозицией со стороны Верховного суда США с самого начала реформ. Двенадцать предшествующих лет пребывания у власти республиканцев привели к тому, что их назначенцы возобладали в высшем судебном органе. В первые полтора года Нового курса Верховный суд не решался на открытую схватку с Рузвельтом, но в январе 1935 г. начал бескомпромиссный «крестовый поход» против политики президента. Всего в 1935 - начале 1936 г. Верховный суд отменил, как антиконституционные, 11 рузвельтовских законодательных актов. Рузвельт сразу после победы на президентских выборах 1936 г. объявил приоритетной задачей радикальную реформу судебной власти.

Ключевым положением президентской реформы, предложенной на рассмотрение Конгресса США 5 февраля 1937 г., являлось увеличение состава Верховного суда на шесть человек, что должно было обеспечить в нем твердое большинство выдвиженцев Рузвельта, а значит, сторонников Нового курса. Реакция высшего законодательного органа оказалась для Рузвельта шокирующей неожиданностью: не только консервативные оппоненты, но и большое число либералов, включая республиканско-демократический прогрессивный блок, решительно высказались против столь откровенного, в их глазах, посягательства на демократические первоосновы США и опасный прецедент политического авторитаризма. Против Рузвельта решительно ополчилась и консервативная, и либеральная пресса. Развязка одного из самых драматических эпизодов в истории Нового курса оказалась неожиданной. Консервативные «старцы» Верховного суда, не выдержав политического напряжения и положившись на инстинкт самосохранения, дрогнули. Начиная с марта 1937 г. последовали важные уступки Верховного суда. В 1937-1938 гг. два консервативных члена Верховного суда вышли в отставку, и Рузвельт уже по собственному законному праву заполнил вакансии либеральными судьями.

Современные историки выделяют в эволюции рузвельтовского Нового курса три этапа, которые также подчас обозначаются как «три Новых курса». Повестка *первого Нового курса* была определена весной 1933 г. На том этапе, охватившем 1933-1935 г., основные усилия президента и его команды были направлены на преодоление кризиса и включали по преимуществу приемы экономического планирования и регулирования, а социальные нововведения находились на втором плане. Такая политика способствовала «вытаскиванию» экономики из кризиса, но мало содействовала разрешению острых

социальных коллизий. С весны 1935 г. был запущен *второй Новый курс*, главной целью которого были социальные реформы. Это помогло Рузвельту одержать триумфальную победу на президентских выборах 1936 г. Далее последовал *третий Новый курс*, охвативший 1937-1940 гг. Он оказался сложен и неоднозначен. С одной стороны, стратегические расчеты привели Рузвельта к решению о приостановке радикальных реформ и консолидации того, что уже было сделано, но, с другой стороны, неожиданный экономический спад 1937 г. побудил к возобновлению, пусть и не в прежнем объеме, новаторских экономических и социальных экспериментов. К 1940 г. перестройка американской капиталистической цивилизации на либерально-реформаторской основе была завершена.

В области *промышленно-аграрной политики* Рузвельта особое значение имели два закона. Первый - Национальный закон о восстановлении промышленности от 16 июня 1933 г. (НИРА) вводил систему кодексов «честной конкуренции». Всего было разработано и после утверждения главой государства введено в качестве обязательных 541 основной и 185 дополнительных кодексов. 90% американских промышленных предприятий вступили в соглашения, определявшие объемы и цену производимой продукции, минимальную заработную плату рабочих и максимальную продолжительность рабочего дня. Закон просуществовал два года и был отменен решением Верховного суда США.

Второй важный закон - о восстановлении сельского хозяйства (ААА) от 12 мая 1933 г. Главными целями закона стали повышение цен на сельскохозяйственную продукцию и восстановление их паритета с ценами на промышленные товары. Предполагалось также предоставление фермерам льготных кредитов для модернизации производства и рефинансирования фермерской задолженности. Средством повышения цен на сельхозпродукцию стало сокращение посевных площадей и поголовья скота, за что государством выплачивались специальные премиальные.

Обширным было финансовое законодательство. Банковская система находилась в состоянии коллапса и, по мнению многих современников, Рузвельт мог ее национализировать. Но президент предпочел использовать государство для спасения тысяч частных банков. Правительственная Реконструктивная финансовая корпорация в кратчайший срок выявила «перспективные» и «безнадежные» банки, протянув первым без промедления руку помощи. Уже через месяц после принятия банковского закона возобновили деятельность 70% банков, а к концу июня 1933 г. 90%. Частная банковская система была реанимирована. Чтобы спасти ее, Реконструктивная финансовая корпорация выдала кредитов на 1171 млн долл. шести тысячам банков. Эффективность государственной помощи оказалась высочайшей - из шести тысяч банков, которым были выданы государственные кредиты, не смогли спастись только 106, в связи с чем государство понесло весьма скромный ущерб - 13,6 млн долл.

Чрезвычайный банковский закон 9 марта 1933 г. был дополнен другими, среди которых выделялись два. Один из них вводил страхование банковских вкладов - обязательное для национальных банков и добровольное для банков штатов. Для осуществления реформы была создана Федеральная корпорация страхования депозитов. Согласно закону вклады размером

до 10 тыс. долл. подлежали страхованию на 100%, от 10 до 50 тыс. долл. - на 75%, свыше 50 тыс. долл. - на 50%. Уже к началу 1934 г. 80% банков застраховали свои депозиты. Другой важный банковский закон отделил депозитные функции банков от инвестиционных, что ограничило злоупотребления в сфере кредитования бизнеса.

В финансовой сфере противоречивой, в ретроспективе важнейшей, оказалась бюджетная политика. В 1932 г. во время избирательной кампании Рузвельт выступал твердым защитником сбалансированного бюджета, резко критиковал Гувера за создание дефицита, обещал сократить расходы федерального правительства на 25%. Эта ортодоксальная риторика находилась в очевидном и резком противоречии с обещаниями Рузвельта не пожалеть средств на помощь «забытым американцам». Подобная помощь не могла не привести к резкому росту бюджетного дефицита, а ликвидировать его Рузвельт намеревался исключительно с помощью сокращения численности государственных чиновников. Финансовая концепция Рузвельта затрещала по швам, как только он оказался у руля федеральной власти. Не сокращающийся, а наоборот, быстро увеличивавшийся бюджетный дефицит был вынужденной уступкой требованиям жизни: сбалансировать бюджет в 1933, 1934 или 1935 г., признал позднее Рузвельт, означало совершить преступление против народа. И все же Рузвельт цеплялся за концепцию сбалансированного бюджета до 1937 г. И только новый финансовый и экономический спад 1937 г. склонил его в пользу принятия доктрины дефицитного финансирования антикризисных мероприятий, которая в самой практике Нового курса восторжествовала гораздо раньше.

Экономика США в первые четыре года Нового курса достаточно последовательно выходила из беспрецедентного экономического кризиса. В конце 1937-1938 гг. произошел некоторый новый спад производства, который был, после возобновления и расширения Рузвельтом антикризисных мер, преодолен. В 1939-1940 гг., т.е. еще до вступления США в войну и начала ими массового военного производства, показатели ВВП 1929 г. были превзойдены. Безработица вернулась к уровню 1937 г. и была в полтора раза ниже, чем в 1933 г. Вступление США во Вторую мировую войну ускорило восстановление этих показателей и одновременно создало условия для нового, во многом беспрецедентного взлета американской экономики.

На втором этапе Нового курса главными стали социальные реформы. Среди них первой фундаментальной мерой оказался закон Вагнера, одобренный 5 июля 1935 г. Закон легализовал профсоюзы, в правовом отношении уравнивал, а в чем-то даже возвысил их над предпринимателями. Согласно принципу «закрытого цеха», бизнесмены могли нанимать только тех рабочих, которые вступили в профсоюз.

1930-е годы ознаменовались вторым после рубежа XIX-XX вв. серьезным подъемом рабочего движения. Бастовали как профсоюзы, так и неорганизованные рабочие. Широкое распространение приобрели «сидячие забастовки». Рабочие отказывались покидать свои места, препятствуя использованию предпринимателями штрейкбрехеров. Впервые массовый характер приобрело объединение в тред-юнионы малоквалифицированных рабочих и создание отраслевых профсоюзов в противовес узкопрофессиональным цеховым. В рамках Американской федерации труда, ведущего национального

профсоюза, объединявшего рабочих в тред-юнионы по узкопрофессиональной принадлежности, в 1935 г. возник комитет производственных профсоюзов, преобразовавшийся в 1938 г. в Конгресс производственных профсоюзов (КПП). Большую роль в создании отделений КПП играли коммунисты. В течение одного года в КПП объединились 4 млн рабочих ведущих промышленных отраслей - сталелитейной, автомобильной, электротехнической, химической и др. В целом численность профсоюзов с 1933 по 1939 г. выросла с 2,7 до 8,8 млн человек. КПП в отличие от АФТ пытался активно участвовать в политической борьбе, создав для этой цели Беспартийную рабочую лигу, которая на практике твердо поддерживала Ф.Д. Рузвельта, расширяя и укрепляя коалицию Демократической партии. Благодаря активности рабочих и активной поддержке их правительством профсоюзы в годы президентства Рузвельта одержали победы в 80% стачек, а реальная заработная плата американских рабочих с 1935 по 1945 г. выросла на 80%.

Второй важной социальной реформой стал закон о социальном страховании по старости и безработице, одобренный в августе 1935 г. Он заложил основы федерального социального страхования. Наконец, третьей важной социальной мерой стал закон о справедливых условиях труда 1938 г. Он ввел минимальную почасовую заработную плату и максимальную продолжительность рабочего дня.

Созданная Рузвельтом коалиция Демократической партии, включившая рабочий класс, фермерство, большинство чернокожих американцев, как и поддержавшую Новый курс часть бизнеса, может быть определена как широко демократическая. Изменилось соотношение сил внутри Демократической партии. В самом начале Нового курса о разрыве с Рузвельтом объявили консервативные деятели его партии, среди них кандидат в президенты США на выборах 1924 г. Д. Дэвис и кандидат на президентских выборах 1928 г. А. Смит. В 1934 г. они образовали Лигу свободы, поставившую своей целью очищение Демократической партии от сторонников Рузвельта и возвращение к идейно-политическим доктринам 1920-х годов. Но Рузвельт и его сторонники смогли переломить соотношение сил в партии в свою пользу и сделать его необратимым.

После фактического откола от демократов крайних консерваторов в партии наличествовали три основных течения: консервативное, центристское, а также леволиберальное, в котором были такие видные политики, как Р. Вагнер, Ф. Перкинс, Г. Гопкинс, Г. Уоллес и Г. Икес. Рузвельт стоял над фракциями и осуществлял сложные примирительные маневры, которые обеспечивали поддержку его мероприятий большинством партии и сохраняли ее единство, крайне необходимое в условиях жесткой конкуренции с другими партиями. Удерживая единство большинства партии, Рузвельт вместе с тем в критические моменты воспринимал в качестве общепартийных требования левых либералов, хотя те неизменно оставались фракцией меньшинства. Политическое искусство и харизма Рузвельта проявлялись в том, что две другие фракции, бывшие в большинстве, поступались своими принципами и принимали выбор президента. В результате партия в целом сдвигалась влево и радикально обновлялась. Эта трансформация демократов нанесла сокрушительный удар по другим политическим партиям. Малые партии, от лево-до праворадикальных, к концу 1930-х годов потерпели фиаско, а Республи-

канская партия на целых двадцать лет оказалась в политическом нокдауне. Важнейшим для изменения соотношения сил двух главных партий стал переход на сторону демократов большинства городских избирателей, при этом они включили в себя жителей наиболее крупных промышленных городов, ранее голосовавших за Республиканскую партию. Среди городских избирателей, поддерживавших демократов, был особенно заметен рост числа организованных рабочих.

На сторону Демократической партии перешло большинство иммигрантов. Особенно весомой стала поддержка демократов со стороны ирландской и еврейской общин (85% последней голосовали за Рузвельта в 1936 и 1940 гг.). Еще в большей степени, чем среди белых американцев, влияние демократов возросло среди чернокожих избирателей. Это произошло, несмотря на то что Рузвельт не покушался на расовую сегрегацию, суды Линча и лишение негров гражданских и политических прав в южных штатах. Чернокожие избиратели северных штатов были благодарны Рузвельту за социальные законы в интересах нижних слоев, к которым они в подавляющем большинстве относились, и в 1936 г. предпочли Демократическую партию Республиканской. Демократам отдали голоса около 70% чернокожих избирателей.

Резко возросла поддержка Рузвельта среди женщин, хотя Новый курс не включал специальных мер в поддержку женского равноправия. Женщин привлекала социальная политика Рузвельта, как и осуществленные им впервые в американской истории назначения женщин на важные правительственные посты (самое известное - назначение Фрэнсис Перкинс министром по трудовым отношениям). Был заметен рост влияния Демократической партии среди фермерства. Демократы доминировали не только в сельских районах Юга, традиционном оплоте партии, но добились поддержки со стороны фермерства Среднего Запада, прежде отдававшего предпочтение республиканцам. В южных штатах демократов поддерживали 80% избирателей. Демократы впервые за 70 лет добились превосходства над республиканцами и в северных штатах, где на их сторону перешли 20% бывших приверженцев Республиканской партии.

Реформы Нового курса не привели к принципиальному изменению классовой структуры США. Вместе с тем большая часть нижнего класса, упрочив свое материальное положение, подошла вплотную к границе среднего класса.

Вступление Ф.Д. Рузвельта в президентскую должность открыло новую веху не только во внутренней, но и во внешней политике США. Он был убежден, что американские ценности являются демократической панацеей для всех стран и народов, альтернативой коммунизму и фашизму, тоталитаризму и авторитаризму любых сортов. Его вера в исключительность и одновременно *универсализм* американской демократии дополнялась приверженностью вильсоновской внешнеполитической концепции. Но американское общественное мнение 1930-х годов, как и в прежнее десятилетие, демонстрировало приверженность изоляционизму. Рузвельт, озабоченный в первую очередь внутренними проблемами, предпочитал не дискутировать с изоляционистами. Во второй половине 1930-х годов изоляционисты смогли провести четыре закона о нейтралитете, закреплявших принцип «невмешательства»

в европейские распри. Со всеми этими настроениями и влияниями Ф. Рузвельт, будучи сам англофилом и рассматривая нацизм с момента прихода к власти в Германии Гитлера как главный источник возможной мировой трагедии, не считаться не мог.

В момент вступления в президентскую должность главной внешнеполитической проблемой для Рузвельта был поиск возможностей выхода из экономического кризиса. В качестве основополагающей внешнеполитической стратегии выхода США из кризиса Рузвельт избрал экономические договоры с заинтересованными иностранными государствами. Среди них оказался СССР. Предоставление Соединенными Штатами режима экономического благоприятствования Советскому Союзу, как и установление с ним дипломатических отношений в середине ноября 1933 г., в исторической ретроспективе выглядит поразительным событием. Даже в благоприятные периоды мирного существования, разрядки и в постсоветскую эпоху США демонстрировали в отношении СССР - России зачастую более враждебное отношение. Феномен советско-американских отношений 1930-х годов объясняется конкретно-историческими реалиями 1930-х годов и личной позицией Ф. Рузвельта, продемонстрировавшего незаурядную политическую волю в преодолении американских антисоветских стереотипов.

Ф. Рузвельт, выступивший против антисоветской ортодоксии Республиканской партии, как и антисоветских взглядов В. Вильсона, по собственной инициативе, практически сразу после вступления в президентскую должность, поставил задачу незамедлительного признания Советского Союза. Для него было характерно осознание конкретно-исторических реалий, требовавших сотрудничества с СССР. Одна из реалий - возможность поправить при помощи СССР, твердо и успешно вставшего на путь индустриализации, экономические трудности США. Другая основополагающая конкретно-историческая причина была внешнеполитической. В ходе переговоров с советской стороной Рузвельт указал на наличие «двух главных источников военной опасности» и ясно дал понять, что в американских глазах таковыми являются Япония и Германия. Это совпадало с советской оценкой. Переговоры о признании СССР были проведены в течение двух недель, а дипломатические отношения установлены 16 ноября 1933 г.

Первый посол США в СССР У. Буллит был преисполнен благих намерений. Он приложил немало усилий для облегчения американскому капиталу реального выхода на советский рынок, инвестиций в экономику, в первую очередь в ударные стройки сталинских пятилеток. Энтузиазм сменился у Буллита охлаждением, разочарованием и ненавистью к СССР в 1935 г. в значительной мере под воздействием начатых Сталиным массовых политических репрессий. Буллит стал рассматривать сталинский режим как большее зло, чем гитлеровский нацизм. Это не совпадало с оценками Рузвельта. Первый американский посол в СССР был заменен. Второй посол США в СССР Дж. Дэйвис, приступивший к обязанностям в ноябре 1936 г., был твердым сторонником укрепления отношений с Москвой. В улучшении отношений с СССР ему пришлось преодолевать сопротивление американского госдепартамента, в первую очередь восточноевропейского отдела. Но на стороне Дейвиса был Рузвельт, полагавший, что позиция посла в большей степени соответствует национальному интересу США.

Одним из серьезных внешнеполитических нововведений Рузвельта после прихода к власти явилась политика «доброе соседство» в отношении Латинской Америки. Экономические и политические причины подталкивали Соединенные Штаты к модификации латиноамериканской политики. В годы экономического кризиса и под его воздействием в Латинской Америке резко усилились право- и леворадикальные тенденции. Ряд стран продемонстрировали приверженность праворадикальной, подчас близкой к фашизму модели выхода из кризиса. В борьбе с левой и правой угрозами, согласно стратегии *доброе соседство*, США не могли добиться успеха при помощи средств *большой дубинки*. Ф. Рузвельт достаточно последовательно воплощал доктрину «доброе соседство» в жизнь. В мае 1934 г. было одобрено соглашение, отменявшее поправку Платта к кубинской Конституции 1901 г. и ликвидировавшее право США совершать интервенции на Кубу. Страна наделялась суверенитетом (но база США в Гуантанамо сохранялась). В ноябре 1934 г. были выведены американские войска из Гаити. В 1936 г. был ликвидирован фактический протекторат США в Панаме. Военные соединения США из Панамы выводились, право интервенций в нее отменялось. После этого военных контингентов США не осталось ни в одной латиноамериканской стране. В 1939 г. после одобрения соглашений с Панамой сенатом США Панама стала полностью независимым и суверенным государством. В 1934 г. Рузвельт подписал закон, предоставлявший независимость Филиппинам с 1946 г. (До этого года устанавливался переходный период, а колониальный статус Филиппин заменялся статусом доминиона.)

Для США среди двух внешнеполитических опасностей, обозначенных на переговорах с СССР в ноябре 1933 г., главной становился германский нацизм. Впервые Рузвельт попробовал оспорить американскую изоляционистскую ортодоксию в «карантинной» речи 5 октября 1937 г. Не называя агрессоров по именам, он отметил, что 10% населения земли угрожают остальным 90%, разрушают нормы международного права и морали. Эпидемия беззакония стремительно распространяется в мире, бездействие далее недопустимо, агрессоры - «больные» - должны быть посажены на «карантин», т.е. отгорожены до выздоровления от остального мира. В течение последующих двух лет президенту пришлось филигранно лавировать между компромиссами с доминировавшим в стране изоляционизмом и стратегией сдерживания европейского и азиатского агрессоров. В отношении Германии он полагался на усилия двух главных европейских демократий, Британии и Франции. В отношении Японии Рузвельт на Британию не рассчитывал. Лондон вел себя на Дальнем Востоке откровенно пассивно. Американской власти приходилось изобретать средства сдерживания Японии, не обостряя вместе с тем отношений с изоляционистским большинством политического класса и общества. Избранная Рузвельтом стратегия противоборства с Японией включила как основное средство стремительное наращивание в тихоокеанском регионе американской военно-морской мощи. Еще в июне 1933 г. Рузвельт президентским указом выделил на программу строительства современного военно-морского флота 238 млн долл. С этого момента программа успешно выполнялась, последовательно расширяясь и углубляясь.

В апреле 1939 г. Рузвельт обратился к Гитлеру и Муссолини с посланием, в котором запрашивал гарантии ненападения в течение десяти лет на тридцать конкретно названных стран Европы и Америки. Гитлер использовал послание, чтобы высмеять ненавистного Рузвельта в германском рейхстаге. Гитлер добился ораторского успеха, но Рузвельт выполнил поставленную перед собой задачу: заклеил фюрера как агрессора перед американским народом. В сентябре 1939 г., после нападения Германии на Польшу и объявления Великобританией и Францией, в соответствии с имевшимся между ними и Польшей договором, войны Германии, Рузвельт открыто занял антигерманскую позицию. Созвав чрезвычайную сессию Конгресса, он убедил его принять четвертый, смягченный закон о нейтралитете (4 ноября 1939 г.). Вводился принцип «плати и вези», позволявший воюющим странам закупать вооружение в США и вывозить его на своих судах. Поскольку Великобритания доминировала в Атлантике, закон отвечал ее интересам. В то же время Рузвельт отказался, несмотря на насаждавшееся в американских СМИ мнение о переходе СССР на сторону Германии и реальном осуждении Москвой Британии и Франции, пойти на разрыв дипломатических отношений с Советским Союзом. Рузвельтовская *realpolitik* не ставила СССР на одну доску с Германией и резервировала возможность восстановления той расстановки сил, в которой германский нацизм и советский коммунизм были врагами, а с СССР был возможен альянс против гитлеровского режима.

В 1940 г. Рузвельт нанес сокрушительное поражение на президентских выборах своему республиканскому оппоненту и вновь стал главой американского правительства. Рузвельт баллотировался на третий срок вопреки американской демократической традиции. Но его соратники доказывали, и Рузвельт внял им, что опасность, нависшая в 1940 г. над США, была не меньшей, если не большей, чем в 1932 г. во время экономического коллапса. Отказаться от выдвижения на третий срок в такой ситуации было бы изменой интересам мира и американской демократии. Президентские выборы 1940 г. показали, что нация осознала эту опасность и выдала Рузвельту второй, после 1932 г., карт-бланш.

Вступление США во Вторую мировую войну дало толчок мощному подъему американской экономики. Механизмы государственного регулирования национальной экономики были дополнены новыми институтами стимулирования экономического роста. В октябре 1942 г. была создана федеральная Служба экономической стабилизации, в мае 1943 г. Служба военной мобилизации (с осени 1944 г. Служба военной мобилизации и реконверсии). Возглавил государственную администрацию регулирования экономики Дж. Бирнс. В период войны она разместила государственные подряды частным корпорациям на сумму около 200 млрд долл., в два раза превосходящую ВВП 1940 г. и равняющуюся ВВП 1944 г. Объем промышленного производства в США за годы войны вырос более, чем вдвое. В 1942 г. возник дефицит рабочей силы, и администрация готова была ввести закон о всеобщей трудовой повинности. Но законопроект был отклонен Конгрессом США.

Сельское хозяйство в годы войны вышло из кризиса, цены на сельхозпродукты установились на уровне 110% от паритета, что способствовало преодолению задолженности массой фермерских хозяйств. В октябре 1942 г.

был принят федеральный закон об «экономической стабилизации», который наряду с зарплатой и квартплатой замораживал цены на сельхозпродукцию. Но под строгий контроль цены на сельхозпродукцию поставить не удалось.

Многие профсоюзы жестко противились замораживанию зарплаты, используя в качестве главного средства противодействия забастовки. Два главных национальных профсоюза - Американская федерация труда и Комитет производственных профсоюзов - в годы войны поменялись местами во взаимоотношениях с правительством. АФТ заняла в отношении регулирующей роли государства позицию сотрудничества, а КПП в значительной мере перешел в оппозицию. Сразу после начала войны с Японией Рузвельт провел национальную конференцию бизнеса и профсоюзов, целью которой был отказ бизнеса от локаутов, а профсоюзов от забастовок. По завершении конференции Рузвельт объявил о передаче всех конфликтов на арбитражное решение созданного для этой цели Национального управления труда, в которое вошли представители государства, бизнеса, профсоюзов. Позиция правительства была поддержана большинством общества, включая компартию США. Особую позицию занял КПП, не отказавшийся от стачечной борьбы. За годы участия США в войне было проведено более 14 700 забастовок. Общее количество стачечников составило 6,7 млн человек. В годы войны численность профсоюзов увеличилась с 9 до 14,3 млн человек.

Военный период сопровождался ограничением политических прав американцев. В 1940 г. был принят закон Смита, вводивший во второй и третьей статьях штраф до 10 тыс. долл. и тюремное заключение до 10 лет в отношении лиц, призывающих к «свержению» правительства США. В ряде штатов были приняты законы, ограничивавшие право рабочих на забастовки. В июне 1943 г. Конгресс США, преодолев вето президента, одобрил закон Смита-Коннэли, ограничивавший право на стачки на оборонных предприятиях и наделявший президента правом брать под прямое управление предприятия, пораженные стачками.

19 февраля 1942 г. был принят президентский указ о принудительном переселении около 10 тыс. американцев японского происхождения, проживавших в штатах Калифорния, Орегон, Аризона и Вашингтон, в специальные резервации во внутренних районах США. В начале 1945 г. они были возвращены на прежние места проживания.

В годы войны было достигнуто максимальное единение большинства общества и власти. В 1944 г. Э. Браудер, руководитель компартии США, объявил о ее ликвидации в связи с установлением, по его утверждению, в США классового единства и согласия. Компартия была воссоздана З. Фостером и его сторонниками летом 1945 г.

В период между двумя мировыми войнами произошли важные изменения в общественно-историческом развитии северного соседа США - Канады. После обретения Канадой внутреннего самоуправления в 1867 г. в обществе нарастали дискуссии о путях дальнейшего исторического развития. Большинство, поддерживая ослабление имперской зависимости от Лондона, вместе с тем склонялось к одобрению британской общественно-политической модели как основополагающей для страны. По британскому образцу в Канаде развивалась двухпартийная система, а ее участники восприняли

английские названия - консерваторы и либералы. Канадские консерваторы и либералы, подобно обеим главным партиям Великобритании, отличались склонностью к компромиссам, неприятием политического насилия. В большей мере склонность к восприятию британской модели проявляли консерваторы, «отцы-основатели» самоуправляющейся Канады, и в меньшей степени - либералы. Либералам было свойственно в большей мере оглядываться на опыт республиканского южного соседа.

Отношение канадского общества в целом к США было противоречивым. Неоднократные попытки США в XVIII-XIX вв. отторгнуть канадские провинции от Великобритании и включить их в собственное государство породили в канадском обществе повышенную бдительность в отношении внешней политики Вашингтона. Вместе с тем канадцы меньше всего хотели отгородиться «китайской стеной» от Соединенных Штатов. Их неизменно привлекал экономический динамизм южного соседа, последовательно опережавшего Великобританию по разным показателям технологического, промышленного и аграрного развития. Канадский бизнес явно хотел быть «сообщающимся сосудом» с американским бизнесом, свободно заимствуя его передовые достижения. Либеральная партия, поклонница фритредерства, отстаивала необходимость утверждения режима свободной торговли в отношениях с США, в то время как консерваторы отстаивали протекционизм.

В период Первой мировой войны Канада, подчинявшаяся внешнеполитическим решениям Великобритании, участвовала в боевых действиях на стороне Антанты. После окончания войны она, как и Великобритания, вступила в Лигу Наций. Во внутриполитическом развитии Канады послевоенного десятилетия господствующей была тенденция, характерная для британского, а не американского исторического вектора. В Канаде упрочились позиции либерализма, смещавшегося, как и внутренняя политика в целом, «влево». Как и в Великобритании, двухпартийная система резко пошатнулась под напором сильной третьей партии. В Британии это была Лейбористская партия, потеснившая либералов, а в Канаде Национальная прогрессивная партия, возникшая в 1920 г. и одобрившая программу демократических и отчасти радикальных политических, социальных и экономических реформ. Но в отличие от Великобритании канадская третья партия теснила не либералов, которые сами готовы были к демократическим реформам, а консерваторов. На национальных выборах 1921 г. Национальная прогрессивная партия заняла второе место, оттеснив на третью позицию консерваторов. После этого либералы, занявшие первое место, при поддержке прогрессистов обратились к реформам, означавшим демократические нововведения.

После Первой мировой войны возросла активность суфражисток, также способствовавших усилению демократического и ослаблению консервативного политического фланга. 1920 год ознаменовался крупным успехом суфражистского движения: женщинам на национальных выборах было предоставлено право голоса. И если в Британии такая реформа поспособствовала триумфу лейбористов, то в Канаде она явилась важной причиной успеха на выборах 1921 г. политического дебютанта, Национальной прогрессивной партии. Среди демократических социальных мер тандема либералов и прогрессистов важное место заняло развитие программы социального страхо-

вания, в частности одобрение в 1927 г. закона о пенсионном обеспечении по старости. Как и в Британии, принявшей подобный закон еще до Первой мировой войны, пенсионные выплаты были скромными, но они оказались спасительными для многих пожилых канадцев после начала в 1929 г. мирового экономического кризиса. Канада, как и Британия, опережала США в развитии социального государства.

Принципиальное значение для внутривнутриполитической демократизации Канады имели события 1926 г. Несмотря на то что либералы вкупе с прогрессистами добились большинства мест на национальных выборах 1925 г., канадский генерал-губернатор, назначенец Великобритании, поручил сформировать правительство консерваторам. Сделал он это на том основании, что консерваторы получили в парламенте несколько больше мест, чем собственно либералы (но последние в блоке с прогрессистами имели большинство). Либералы и прогрессисты, проявив принципиальность, объявили действия генерал-губернатора противозаконным отходом от системы внутреннего самоуправления Канады. Они добились проведения внеочередных парламентских выборов в 1926 г., одержали победу, после чего генерал-губернатор в процесс формирования канадского правительства уже никогда не вмешивался.

Важным приобретением Канады явился британский имперский акт 1926 г., гласивший, что Великобритания и доминионы являются равными по статусу «государственными единицами», суверенными как во внутренней, так и во внешней политике. Они становились Британским содружеством наций, связанным монархией, которая в каждой равноправной части царствовала, но не правила. В 1931 г. Вестминстерский статут британского парламента упрочил принципы 1926 г. Вместе с тем статут закреплял за Великобританией роль верховного арбитра во взаимоотношениях и разногласиях между федеральным центром и провинциями Канады. Эта забота Лондона о поддержании прав провинциальных канадских властей обернулась для Канады серьезными минусами, когда она столкнулась с необходимостью решать проблему жестокого экономического кризиса 1929 - 1933 гг.

Либеральное правительство У. Кинга, находившееся у власти в год начала кризиса, не сочло нужным прибегнуть к реальным антикризисным мерам в значительной степени по причине объемных государственных прав провинций. Сменившее его в 1930 г. консервативное правительство Р. Беннета, склонившееся к одобрению кейнсианских подходов, не спешило приступить к их практической реализации. Бессилие правительств как либералов, так и консерваторов решать проблемы кризиса способствовало росту влияния оппозиции «слева» и «справа». Оппозицию «слева» возглавила Федерация Кооперативного Содружества, возникшая в 1932 г. и пришедшая в качестве мощной третьей партии на смену Национальной прогрессивной партии. Партия намеревалась заменить капиталистическую систему кооперативным содружеством реформистско-социалистического типа, радикально преобразовав как производственную, так и распределительную сферы. Реагируя на вызовы партии Федеративного Кооперативного Содружества, либералы и консерваторы дрейфовали в направлении социального либерализма и социального консерватизма.

Подписание канадского торгового пакта. Слева направо: госсекретарь США К. Хэлл, премьер-министр Канады У. Кинг, президент США Ф.Д. Рузвельт. 1935 г. Библиотека Конгресса США

На уровне провинций присутствовали разнообразные тенденции. В Квебеке, провинции с преобладанием франкоязычного населения, возобладал праворадикальный популизм. Лидер партии Юнион националь (Национальный союз) М. Дюплесси, подобно американскому губернатору из Луизианы Х. Лонгу, завоевал симпатии масс обещаниями дешевого кредита, обуздания и жесткого налогообложения миллионеров, государственной социальной поддержки бедных семей. Вместе с тем, победив на провинциальных выборах в 1936 г., Дюплесси начал жестко преследовать «левых», насаждать антикоммунизм, клерикализм, франкоязычный национализм, антисемитизм и авторитаризм. Управляя Квебеком с небольшими перерывами до конца 1940-х годов, Дюплесси немало поспособствовал социокультурному и общественно-политическому отгораживанию этой франкоязычной провинции от Канады.

В других провинциях Канады, в первую очередь таких, как Альберта и Саскачеван, к власти чаще приходили правительства либерально-реформистского и даже реформистско-социалистического толка. Это способствовало сдвигу канадского общества в годы кризиса, как и во время последовавшей Второй мировой войны, в направлении социализации его капиталистических оснований. Такая тенденция проявилась и в политике национального правительства. В 1940 г. либеральное правительство У. Кинга одобрило закон о страховании по безработице, распространявшийся на

Канаду в целом. Далее последовали законы о детских пособиях, вспомоществовании бедным семьям и другие, укреплявшие даже в трудные военные времена канадское социальное государство.

Во Вторую мировую войну Канада вступила через неделю после того, как 3 сентября 1939 г. Великобритания и Франция, выполняя союзнические обязательства перед Польшей, приняли решение о необходимости вступить в схватку с нацистским агрессором. Оставаясь на протяжении войны в составе антигитлеровской коалиции, Канада все более сближалась с Соединенными Штатами, укреплявшими роль гегемона западной цивилизации на фоне ослабевающих позиций Великобритании.